
О райских птицах

Александр Федорович Котс

Как ни изумительны миниатюрные летающие самоцветы, изумрудно и сапфирно оперенные **Колибри**, — все они бледнеют перед фееричным одеянием пернатых обитателей Новой Гвинеи, птиц, непревзойденных по изысканной красоте и вычурности одеяний.

Мы разумеем группу «Райских птиц», под каковым названием они с давних пор — XVI-го Века — фигурируют в науке, не всегда оправдывая, правда, это наименование.

Оставляя до конца нашего очерка упоминание о немногих тусклых представителях всей группы, начинаем с тех, которые описанные всего ранее, всецело обусловили название всего семейства.

Род «**Парадизеа**» содержит до десятка среднего размера птиц с пучками тонко измененных перьев, исходящих из под крыльев, по бокам и завершающих все тело птицы пышным грандиозным шлейфом.

Не входя в подробности, мы ограничимся сейчас перечислением главнейших видов этих феерических созданий.

Самой крупной и — увы! — считаемой давно уже вымершей, точнее выбитой из за дикарской прихоти и моды европейских и американских шеголих, является, вернее говоря, являлась птица «Райская безногая» (Апода), так названная потому, что первые известные в Европе экземпляры этих птиц, точнее тушки их, были получены без ног, из-за манеры папуасов, обитателей Новой Гвинеи, продовать свои охотничьи трофеи именно в таком обезображенном виде.

При относительно довольно однотипном оперении спины и низа виды этих птиц взаимно разнятся расцветкой «шлейфов»: от кармино-красных (П. раггиана) через персиково-оранжевый (П. Аугусто-викториэ) и золотисто-желтый (П. минор, финши) к снежно-белому (П. Вильгельми)

Несколько особняком стоит чудесная П. Рудольфи с кобальтово-голубой окраской тех же перьев и П. рубра, т.е. красная, с более жестким карминово-красным шлейфом и особенной структурой пары длинных средних рулевых лишенных боковых бородок и принявших вид закрученных блестящих узких черных лент.

Кроме лазурной (синей) райской птицы, у которой пара средних удлинённых рулевых также особого строения, все остальные птицы рода Парадизеа имеют эти перья превращенными в длинные нити, наподобие тончайших проволок, далеко выступающих из массы пышных перьев мантии и шлейфа.

Эта пара средних рулевых теоретически гораздо интереснее, ибо гораздо более загадочна, чем прикрывающие их пышные фонтаны перьев, ибо, если в отношении последних еще можно, делая уступку антропоморфизму, говорить о ношении ими привлекательности самцов для самок, то усматривать в этих едва заметных, потонувших в цветовой каскаде паре проволоковидных нитей стимул привлечения внимания самок, — можно только, исходя из априорных домыслов.

Но и помимо этого соображения означенные два пера заслуживают нашего особого внимания по той роли и тому значению, что выпали на них при оформлении нарядов многих райских птиц.

Мы разумеем специфичную конфигурацию этих двух перьев, свойственную ряду мелких представителей семейства.

В самом деле, что сказать о вычурно-изящном оформлении этих двух перьев у прелестной и миниатюрной «королевской» райской птицы!

Как ни замечательно все оперение ее, но всего больше поражает оформление ее хвоста. Слагается оно из четырех моментов:

I. Изящностью изгибов двух длиннейших нитевидных стержней.

II. Перекрестом этих стержней в основании своем, до выхода за линию коротких рулевых.

III.Наличием у самого конца обеих стержней небольших остатков опахал, при том только наружной (латеральной) стороны.

IV.Двойным спиралевидным скручиванием этих половинных опахал с образованием сплошного диска.

Такова фактическая сторона явления: ряд образований, самая структура, самое строение которых совершенно исключает мысль о независимом и постепенном их возникновении а этим самым об участии в процессе их образования направляющего действия со стороны, влияния самок.

В самом деле. Попробуйте мысленно вообразить возникновение этих вычурно изогнутых тончайших нитевидных стержней со спиралевидно скрученными односторонними опахалами на концах! Лишь совокупным действием всех четырех моментов достигается конечный поразительный эффект!

И в самом деле. Уничтожьте грациозные изгибы самих стержней, дав им прямизну, присущую всем прочим рулевым; или смените направление загибов концевых двух дисков, поверните их загибы упраздните столь искусственный и словно нарочитый перекрест обоих длинных стержней у их основания ..и от изящного, вполне художественного мотива не останется следа.

Лишь совокупным действием всех четырех моментов достигается конечный замечательный эффект: изящный хвостовой орнамент нашей птицы.

Очень показательно, что перекрещивание двух средних рулевых, точнее говоря их стержней в самом основании их встречаем мы и в некоторых других родах семейства райских птиц, в родах **Шлегелия** и **Диффилодес**.

Оба эти рода лишены конечных расширений (дисков) на вершинах средних рулевых, но самые их стержни (очины) изящно согнуты и словно в целях повышения их диаметра и обеспечения большей заметности несут по всей длине остатки опахал в виде зачаточных бородак с латеральной стороны. В итоге — совершенно ясный и законченный в себе художественный мотив, определенный хвостовой «орнамент»

Можно без труда предвидеть возражение. Нам скажут: самое понятие «орнамента» или «мотива» — ультра человеческие и оперирование с ними в применении к животным есть чистейший антропоморфизм.

Мы ответим: именно к борьбе с очеловечением установок при оценке психики животных, в частности у Райских птиц, направлены все наши рассуждения.

Мы утверждаем: было бы тенденциозно и предельно алогично отрицать «орнаментальность» многих птичьих одеяний только потому, что в свете дарвинизма признание «эстетичности» их оперения связывается с признанием эстетизма самих птиц, приписыванием им участия в создании этих «орнаментов.»

Проблема осложняется тем обстоятельством, что наряду с «орнаментами» типа широко бытующего в человеческом быту или искусстве, мы встречаемся с образованиями, настолько странными и специфичными, что подвести их под понятие «орнамента» довольно затруднительно.

Этот двоякий тип «орнаментов» у райских птиц, то в направлении человеческого стиля, то — загадочных гротесков, можно наглядно пояснить на ряде показательных примеров.

Мы начнем с гротесков, не укладывающихся ни в какие рамки человеческого представления о красоте, орнаменте и эстетизма.

Перед нами — птица райская из рода «Селеуцидес». Тело, спинка, голова и брюхо — черные, слабо мерцающие фиолетовым или зеленоватым блеском. Украшающие боковые перья пышной мантией охватывают тело птицы. Они бледно-желтые, при выцветании белые, ничем незамечательные, если бы не шесть прямых проволочковидных прутьев, торчащих с каждой стороны.

Присматриваясь ближе к этим прутьям, можно видеть, что на деле это крайне редуцированные перья, от которых сохранились лишь зачатки опахал в их проксимальной части, скрытой прикрывающей их пышной мантией.

Дойдя сокрытыми до ее края, стержни круто загибаются вперед, по направлению к голове и ввиде совершенно голых черных прутьев выступают на белесовато-желтом фоне мантии.

Значение такого сочетания пушистой нежной светлой мантии и дюжины торчащих жестких темных прутьев кажется тем более загадочным, если учесть заведомую нарочитость этого дисгармонического сочетания.

Нетрудно видеть, что сложиться этот синтез мог только в порядке одновременного, целостного создания. Всякое иное допущение, предположение, что двенадцать перьев начали утрачивать, вернее укорачивать присущие им опахала только в проксимальной части, находящихся под мантией; что лишь в дистальной части, по освобождении из мантии, по выходу наружу, повинувшись «эстетизму» самок, стержни стали загигаться кпереди и одновременно, утрачивая совершенно вид пера, приняли вид всецело оголенных прутьев, допущение такого медленного постепенного процесса совершенно произвольно.

Думать, что пучками черных тонких прутьев повышается эффектность белой мантии, что указанное тонкое согласование строения пера и его местоположения слагалось постепенно под давлением «эстетизма» самок этой птицы — слишком несерьезно, чтобы тратить время на опровержение.

Но если так, то говорить о «Половом Подборе», как о подлинном создателе описанного только что гротеского оперения, конечно, не приходится и в лучшем случае нам остается допустить, что возбуждимость самок этих птиц способна стимулироваться видом дюжины торчащих голых прутьев в их **готовом состоянии**, допущение, не слишком смелое, если учесть причудливость, вернее, извращенность мод и вкусов всех времен и всех народов.

На примере райской птицы рода Селеуцидес и ее пародии на украшение, мы преднамеренно остановились несколько подробнее на рассуждении, имеющем наглядно показать всю безнадежность понимания **генезиса** сексуального орнамента под действием предполагаемого «Полового Подбора», и что возникание подобных «украшений» мыслимо только в порядке целостного зарождения.

Но оба эти положения неизмеримо проще могут быть доказаны на нижеследующем примере, правда, несколько особняком стоящем даже среди райских птиц с фееричным оперением.

Перед нами — два причудливых образования: два длинных стержня с рядом прикрепленных к ним полублестящих роговых флажков, вроде эмалевых пластинок бледно-голубого цвета.

По строению своему они напоминают сходные, но менее заметные модификации пера, присущие немногим птицам разных отрядов, почему мы в праве думать, что владельца данной пары выростов должно искать среди пернатых.

И в желании приурочить нашу пару стержней к телу их владельца, мы, конечно, всего прежде насадили бы их мысленно к бокам, к спине, или хвосту.

На деле оба выроста отходят от...висок, от головы миниатюрной райской птицы, именуемой «чешуйчатом» и представляющей один из величайших парадоксов всего класса.

Обитательница высочайших гор новой Гвинеи и открытая сравнительно недавно, эта птичка позволяет опровергнуть самым сжатым образом учение о «половом подборе».

В самом деле. Согласимся, что фактически нельзя ни доказать, ни опровергнуть, что наличие на голове двух стерженьков с флажками стимулирует внимание самок этих птиц, в сближение их с самцами...

Думать, что успешность этого сближения обусловлено длиной стержней и **количеством** флажков (их подсчетом, именно 33-ех!!!), так думать могут только люди, склонные к смешению науки с фантастическими измышлениями.

И в самом деле, думать, что под действием все возрастающего «эстетизма» самок, их все большей требовательности, росло количество «флажков», столь же разумно и оправдано, как мысль о лишь постепенном, медленном их нарастании.

Но к тому же выводу приводит непредвзятое, внимательное рассмотрение орнаментов всех прочих райских птиц, как феерично-красочных, так и сравнительно неярких, или сочетающих бесспорные орнаменты с наличием структур, лишенных всякого подобия орнамента.

Хорошей иллюстрацией такого сочетания может служить одна из менее известных (говоря точнее: популярных!) райских птиц — **Семиоптера Валасеи**.

Наряду с великолепным изумрудным вильчатый нагрудником мы видим отходящими от сгибов крыльев пары странных видоизмененных перьев в форме длинных лент или пластинок беловато-палевого цвета.

И при виде этого дисгармонического сочетания не легко вообразить, что только при наличии этих нелепых (с точки зрения человеческой) торчащих по бокам от тела беловатых удлинённых тряпок фееричный изумрудный вильчатый нагрудник птицы достигает своей цели: привлечения внимания самок.

Несравненно чаще, чем в примере вышеприведенном мы встречаемся у райских птиц с наличием дополнительных структур, лишь повышающих доходчивость стандартных, основных орнаментов, среди которых наиболее обычны изумрудные нагрудники и галстуки.

Присущие самым различным видам и родам (роды **Лампроторакс**, **Парифефорус**, **Птилорис**, **Краспедофорус**) эти смарагдовые галстуки особенно эффектны в роде **Лофорина**, обнимающем всего два вида: Л. минор и Л. суперба.

У самцов обоих видов кроме изумрудных галстуков (по форме очень схожих с таковыми у **Шлегелия** но без обезобразывающих белых выростов) украшены смарагдовыми шапочками и громадными воротниками черных бархатных перьев, в состоянии покоя покрывающих всю спину наподобие плаща, а возбужденном — принимая вид огромного изящного щита треугольной формы.

Не в примет Шлегелии с ее болтающимися четырьмя тесемками, две наши **Лофорины** осложнили свой смарагдовый нагрудник более изящным образом — широким бархатистым капюшоном.

И, однако, вот что замечательно. И там, и здесь, как в отношении **Шлегелии**, так и для **Лофорины**, мы напрасно стали бы искать среди десятков видов Райских птиц такие формы или типы оперения, которые бы помогли наметить в общих линиях пути возникновения этих орнаментов.

И то же в отношении любой из райских птиц, любого вычурного их наряда. Но и там, где мы как будто нападаем на следы начальных стадий будущего украшения, они лишь осложняют разрешение проблемы.

Перед нами небольшая группа относительно не крупных райских птиц из рода **Птилорис**.

Малоизящные по складу и короткохвостые они сосредоточили свою орнаментовку к нижней половине тела, изукрашенной смарагдовым щитом изящной треугольной формы. Сходные смарагдовые перья украшают темя и середину куцего хвоста.

Не столь заметно, но гораздо интереснее все остальное оперение птицы: темно-бархатистое, сплошь разрисованное полулунными каймами, то оливково-зеленого, (П. парадизма), то ? истового блеска.

И, однако занимаю вас означенные птицы только по сравнению с ближайшим родом (часто даже не обозначаемым...) именно родом **Краспедофора**.

Отличительной особенностью этих птиц является не столько однотонность оперения спины и низа, и не замещение смарагдового зоба — кобальтово-голубым, сколько наличием пучков тончайших мягких перьев, отходящих от боков и несомненно соответствующих пышным и цветистым шлейфам, столь характерным для более известных райских птиц из рода **Парадизеа**.

Но не в пример цветистым, красочным каскадам перьев, свойственным последним — эти слабые намеки на аналогичные украшения едва ли могут почитаться таковыми, будучи матово-черными и полускрытыми под крыльями.

Взятое порознь, каждое подобное перо нерезко распадается на два отдела, на две половины: корневую, проксимальную, несущую довольно длинные, редкорассученные опахала, и дистальную, совсем лишённую бородок и имеющую вид прямой и мягкой голой черной нити.

Оперение этого типа не заслуживало бы особого внимания, если бы не дальнейшее развитие его у близкого родственного вида — именно **Краспедофора Мантуи**, редчайшей формы, мне известной только по изображению в монографии Шарпа.

Там, где у предшествующей птицы, именно **Краспедо Фора** интерцеденс, мы имели только слабые подобия боковых орнаментальных перьев, там у данной формы эти перья достигают пышного развития, напоминая шлейфы, свойственные птицам рода **Парадизеа**, но только однотонного, черного, траурного цвета.

Перед нами снова характерная «разногласица»: намечавшаяся возможность проследить возникновение красочных «фонтанов»-шлейфов в роде **Парадизеа** через наряды типа **Птилорис** и **Краспедота**, разбиваются о глубоко отличные строения и окраску этих птиц, помимо специфической структуры только части оперения.

И естественно спросить: так ли витально-важны для продления рода **Парадизеа**, столь красочное оперение их самцов-то красные, то золотистые, то голубые шлейфа, если самки райских птиц типа **Краспедофора Мантуи** довольствуются черными траурными шлейфами их обожателей!

На приведенном только что примере мы имели редкие случаи некоей преемственности в формировании орнамента у райских птиц: его начального лишь состояния и конечного эффекта.

Но и этой лишь весьма условно допускаемой преемственности мы напрасно стали бы искать по отношению к другим, более тонким и изысканным орнаментам.

Три следующих примера в этом отношении крайне поучительны.

Мы начинаем с изумительного рода «Шестиперых райских птиц», рода **Паротия**. Помимо пышно-черно-бархатистого манти, сплошь одевающего птицу спереди и сбоку, кроме золотистого нагрудника, кроме сверкающей смарагдами, или сапфирами «гребеночки», красующейся на затылке, обращают на себя внимание три длинных тонких стержня, отходящие по обе стороны от головы, три тонких прутика, увенчанные на вершине небольшими дисками.

Что может быть изысканнее этого наряда! Сочетания пышной бархатистой мантии и золотистого нагрудника с этими легкими «ракетками», вибрирующими на тонких нитях или стебельках!

Недаром сходные же сочетания форм и красок издавна вошла в ассортимент нарядов буржуазных щеголих!

Но тщетно стали бы мы искать в семействе райских птиц подобия «начальной» стадии для этого наряда: из пяти различных видов этих «шестиперых» райских птиц четыре суть не более, как местные географические расы, разнящиеся только деталями аналогичного наряда.

И лишь пятая, **Паротия Каролэ**, является по совокупности окраски резко непохожей и, однако, по структуре головного украшения настолько близкой к ее более крупным родичам, что о происхождении последних, их причудливого наряда эта птица ничего не говорит. В итоге — сказочная красота наряда «шестиперой райской птицы» остается обособленно, особняком стоящей среди прочих представителей семейства как и остальные ее члены.

И, действительно, какую бы птицу мы не взяли из десятков наиболее изысканных и вычурных по оперению райских птиц — везде нас поражает факт, доселе мало обращавший на себя внимание: абсолютная неповторимость каждого наряда, всюду без намека на возможность выведения его из более простого, предварительного состояния. Сказанное поясним еще двумя примерами.

К числу особенно заметных и известных представителей всего семейства должно отнести довольно крупных длиннохвостых птиц из группы, именуемой «райские сороки» (Род **Астрапия**).

Но передать чарующую красоту их одеяния никому пока еще не удалось. Нет тех красок на палитре величайшего художника, нет слов на языке поэта, что способны передать всю фееричность красоты их оперения: эти сверкающие разноцветными огнями диадемы, ожерелья, то звенящие рубинами, то в сочетании их со смарагдами...

Но показательно, что существующие только три различных вида этих птиц настолько резко обособлены, что в сущности должны бы быть отнесены в различные рода, ничем не выдающие путей и формы их возникновения.

Ни огненное ожерелье (у **А. нигра**), ни смарагдовый нагрудник (у **А. стефании**) ни сочетание обоих блесков на груди **А. сплендидиссима** — ничем не связаны между собой, ничем не выдают своего общего и постепенного происхождения.

Еще пример: Три птицы среднего размера рода **Днепанорнис**. Общая черта их всех: особая утонченность их брачного наряда у самцов. В отличие от предидущей тройки, здесь у этих птиц нет огненных, сверкаю-

щих рубинов, или изумрудов. Но на отходящих от боков груди и шеи легких дополнительных (порой двурисных) пучечков перьев поражает нежное мерцание аметистовых или лазурных блесков (Д. Албертизи и Цервиникауда) или (Д. Бруиньи) — обрамляющие шею по бокам наплечники с тончайшим крапом золотистым или изумрудным.

Как ни мало совершенны, не отрывочны и не эскизные наши описания, их основной конечный вывод представляется бесспорным: что ни группа, то лишь новое и убедительное подтверждение невозможности установить путей и способов, которыми когда то шло развитие орнаментов у райских птиц в их наиболее утонченном и совершенном виде.

Никакой преемственности, никакой истории нам не прочесть на дивном оперении этих чудесных птиц!

Как в предыдущих случаях, мы тщетно стали бы искать намека на преемственность в развитии этих орнаментов: два первых представляют только «перепевы» сходного мотива, а изящные «наплечники» у третьей птицы в лучшем (или, говоря точнее, в худшем!) случае, напоминают накладные плечи, так уродовавшие недавно половину человеческого общества.

Снова и снова должно подчеркнуть парадоксальный факт, доселе остававшийся без всякого внимания: существование доброй полсотни вычурных изысканных орнаментальных оперений без малейшего следа преемственности между нами, без намека на пути их исторического становления.

Подумать только: несколько десятков глубоко различных и гротесковых нарядов, без малейших переходов между ними.

Словно самки этих птиц упорно, неуклонно и настойчиво выпаловали все начальные и переходные ступени в оформлении этих нарядов их самцов, и примиряясь только с крайними экстравагантностями в их развитии.

Надуманность такого допущения станет очевидным, если мы учтем ряд следующих обстоятельств.

Всего прежде факт нередких скрещиваний некоторых видов райских птиц на смежной полосе их обитания, так в частности П. апода НовэГвинеи и П. раггиана.

Но легко понять, что если самки этих видов не гнушаются сближения с самцами, резко разнящимися по цвету их орнамента (там — золотисто-желтому, здесь — киноваре-красному) то приписывать им, самкам райских птиц, особой щепетильности при выборе своих пернатых обожателей нет никакого основания.

Но имеются сомнения еще другого свойства. Они сводятся к вопросу: не является ли подлинно-решающим моментом при сближении полов райских птиц (да и не только их!) готовность самок к спариванию и приемы, способа ухаживания за ними..

Но и здесь, знакомясь с тем, как пользуются своими «шармами» самцы различных райских птиц в брачную пору, мы встречаемся с явлениями, не слишком подтверждающими половой Подбор, как творческого и активного начала.

То, что упомянутые выше диадемы, галстуки, нагрудники и веера-султаны райских птиц имеют самое прямое отношение к их размножению доказывается не только тем, что развиваются эти орнаменты лишь в брачную эпоху, но и тем, как пользуются ими птицы в это время.

Опуская крайне вычурные позы, принимаемые в пору токования самцами красной «королевской райской» птицей и являющейся только отражением их крайней возбудимости, нельзя не указать на странное использование орнаментальных перьев, свойственное самцам так наз. «райского удода» (Эпимахус), — крупных длиннохвостых птиц с огромными пучками перьев, серповидно согнутых, прелестно изукрашенных и отходящих по бокам груди. В моменты возбуждения эти перья поднимаются отвесно по бокам от головы, эффектно обрамляя ее, как бы цветистой рамой.

Лишь сравнительно недавно было установлено (над птицей, содержащейся в неволе) что моменты высшего экстаза токования обе половины этой «рамы» приближаются, сближаются настолько, что, смыкаясь по середине, создают одну сплошную перьяную ширму, прикрывающую совершенно голову и шею птицы.

Как ни любопытно это положение орнаментальных перьев у токующих самцов рассматриваемых птиц, эта их поза лишь дальнейшее использование наличного орнамента.

Но что сказать о **синей** райской птице и о позе, ею принимаемой при токовании: уцепившись крепко за сучек, самцы этого вида (рода) опрокидываются головой вниз, висят вниз головой, подобно цирковым гимнастам, или акробатам.

Справедливость требуем сказать, что только при подобном положении чудесные небесно-голубые перья их великолепных шлейфов выступают в полном блеске и дают возможность оценить их тонкую отделку.

Но естественно спросить: Каким путем самцы этого вида при ухаживании за самками дошли до этого «трюкачества», этой «клоунады»?

Что чему предшествовало: трюкачество расцветке голубого шлейфа, или шлейф — трюкачеству и акробатике?

Решение этой дилеммы самоочевидно: прибегать к трюкачеству до приобретения голубого шлейфа столь же неосмысленно, как надевание шлейфа без трюкачества, поскольку самая расцветка голубого шлейфа предусматривает созерцание его при положении птицы головой вниз, ногами вверх, т.е. в позе, принимаемой самцами этих птиц при их ухаживании за самками.

Единственный логически-неотвратимый вывод тот, что и «клоунада» (самая манера опрокидываться головой вниз, ногами вверх) и расцветка голубого шлейфа, зародились **одновременно**, поскольку никакое «промежуточное» положение тела, между «головой вниз» и головой в нормальном положении невообразимо.

Но нетрудно видеть, что «трюкаческое» токование синей райской птицы лишь доводит до абсурда допущение, будто волшебнo-феерическое оперение всех прочих видов этого семейства зарождалось, совершенствовалось медленно и постепенно под влиянием «подбора» более изукрашенных самцов со стороны их скромно оперенных самок.

И в самом деле. Стоит лишь вообразить, что **тридцати** (примерно!) разным типам брачные оперения у самцов, нарядам, резко обособленным без тени переходов между ними, — отвечают тридцать разных соответствующих «вкусов», свойственных их самкам, вкусов, совершенно самобытных без малейших переходов и уступок в сторону соседних видов; стоит лишь вообразить — на деле не вообразимое — что вкусы самок райских птиц слагались то под действием географического фактора, предпочитая золотистый цвет султанов в западных частях новой Гвинеи, и склоняясь к красному по мере приближения к востоку; что одни наряды отражали вкусы птиц высокогорных видов, а другие оперения созвучны вкусам обитателей подножий гор и низменностей — и надуманность, и несерьезность этих и подобных измышлений не требует особого опровержения.

Здесь, как и повсюду, когда речь идет о широко распространенных видах и подвидах, должно различать проблему генезиса **Рода, Вида** и происхождения местных рас, или подвидов. И, насколько разрешение второй проблемы может почитаться в принципе решенной (с помощью географического фактора) настолько же проблема вида требует гораздо более глубокого анализа и обсуждения.

Сказанное поясним примерами.

Но наперед одна существенная оговорка. Мы имеем здесь ввиду теснейшую зависимость проблемы эволюции отдельных групп животных от вопросов таксономии, определения систематического ранга данной группы.

Но как раз по этому вопросу разработка систематики интересующих нас райских птиц является весьма несовершенной, и носящей явные следы тенденции то завышения таксономического ранга, то обратно его явственной недооценки.

Иллюстрацией последней могут послужить виды, объединяемые под общим родовым названием **Птило-рис**, охватывающим столь разных птиц, как П. парадизеа и П. (краснодофора) мантуи. Первая живет на севере Австралии, вторая обитает с. зап. часть Новой Гвинеи.

Обратное для рода **Парадизеа**. Едва ли можно сомневаться, что обитающая северо-восточн. части Британской Новой Гвинеи **П. интермедиа** есть лишь географическая раса (чтобы не сказать: гибрид!) П. раггиана («флай-ривер» британской Новой Гвинеи и П. Аугусто-Виктории (с северного побережья Гуон-Гольфа).

Генезис всех этих рас, точнее их орнаментальных слайдов, частью неодинаковых по цвету может без труда сводима быть к влиянию почвенных и климатических условий. Но таким же образом гораздо легче объяснить различные оттенки блеска диадем двух крайне близких «Шестиперых» райских птиц (Паротия сефилата и П. лавезии, из коих первая присуща западным частям Нов. Гвинеи, а вторая — горам Оуэн-Станлей, а Востоке, легче, чем признать, что самки первой признав и только диадемы смешенного блеска (изумрудно-голубого) а вторые — лишь смарагдовые.

Таковы наши ближайшие сомнения, нас вынуждающие отказаться от Подбора Полового, как активного создателя волшебного-феерического оперения райских птиц и приводящие к признанию за их самками только способности пассивно реагировать на данные, уже сложившиеся украшения их «обожателей», но реагировать лишь в самой общей форме, не входя в оценку и сопоставление отдельных элементов и подробностей орнаментов.

То, что при таком суммарном реагировании самок на старания их самцов за правило не наблюдается межвидового скрещивания, объясняется узкой локализацией отдельных форм, их приуроченностью к определенному району, или высоте того же горного массива. А уже отмеченная выше частая встречаемость гибридов двух столь разных форм, как красная (П. раггиана) и золотисто-желтая (П. Апода Новагвинеэ) только подтверждает эту относительную невзыскательность во «вкусах» самок этих птиц, руководящихся при «выборе» самцов не столько красотой их брачного наряда, сколько их горячностью и темпераментом.

Что при наличии последних преимуществ степень изукрашенности оперения не является решающим, доказывают нам те виды райских птиц, орнаменты которых более, чем скромны а отчасти вообще отсутствуют во всецело.

Стоит лишь напомнить маленькую черную со слабым фиолетовым отливом **Лория Мариэ**, все украшение которой сведено к блестящему пятну у основания клюва, или более крупных, тоже черных райских птиц родов **Парадигалле** и **Макгрегория**, с характерными желтыми или оранжевыми выростами в области висок и лба.

И, наконец, что нам сказать о совершенно одноцветных представителях все тех же райских птиц, распределяемых среди родов **Фонигамма**, **Манукодиа** и **Ликокоракс**.

Если первый род (фонигамма) еще напоминает отдаленно щегольство своей родни наличием изящных темных рожков и сине-фиолетовым или зеленым блестящим однотонно черного пера, и если птица рода **Манукодиа** отчасти, в некоторых видах (М. Халибеата, Комрии, Атра) тоже проявляют в разной мере этот блеск на черном оперении, то птицы рода **Ликокоракс** полностью оправдывают свое научное название, будучи — в глазах неорнитолога — неотличимыми от членов воронова семейства: однотонно-черные, без всякого намека на волшебность оперения райских птиц и не нуждающихся в нем.

И подводя итог всему, что было сказано об этом удивительном семействе райских птиц с их феерическим, волшебным оперением, мы в праве сформулировать эти итоги в следующих положениях:

- A. Невообразимость постепенного происхождения десятков глубокоотличных типов «брачных» украшающих нарядов, резко обособленных, без всякого следа их **постепенного** лишь оформления.
- B. Невероятность допущения, чтобы начальные и переходные ступени, или стадии брачных нарядов (раз они были..) неизменно браковались самками, предпочитавшими лишь самые «экстравагантные» орнамент, — раз и сейчас самые скромные наряды (типа свойственные родам Парадигалле, Лория и Макгрегория) встречают отклики их самок.
- C. Недоказанность способности, уменья самок райских птиц улавливать тончайшие, на грани человеческого восприятия стоящие, подробности орнаментов, учитывая относительное совершенство зрения у птиц (напомним широко распространенную охоту на тетеревов, на водоплавающих и хищных с привлечением их на «чучула!»), к тому же сексуально возбужденных, как это имеет место на «токах».
- D. Заведомая невозможность мысленно вообразить лишь постепенное усваивание Синей Райской птицей способа прельщения самок необычностью показа своего лазурно-голубого шлейфа, именно опрокидываясь кверху ногами, головою вниз, при каковой «клоунаде» только и оправдается в полной мере все великолепие наряда.

I. Не в пример ортодоксальным дарвинистам, склонным видеть в оперении райских птиц — апофеоз признания и доказательства учения о половом подборе — объективное и непредвзятое критическое рассмотрение этой гипотезы на всестороннем и конкретном изучении всей группы убеждает нас в несостоятельности названной гипотезы, при том на следующих основаниях:

Мы едва ли ошибемся, допустив, что как **единовременно** сложились у Лазурной райской птицы и ее чудесный голубой наряд, и способ демонстрации его при «цирковом» показе, также сразу и одновременно должны была сложиться некогда все прочие детали брачных оперений райских птиц.

Что же касается таких предельно-вычурных образований, как пруты с флагами, отходящие от головы **Птеридофоры**, то подобные биологические парадоксы лишь подчеркивают лишний раз, что существует еще многое, лежащее пока вне человеческого понимания.

Быть может, в этих эксцессивно развитых придатках мы имеем нечто параллельное тому, что изредка встречается и у других животных, — органы чрезмерного развития, будь то не в меру загнутые верхние клыки у Бабируссы, или колоссальный бивень у самца-нарвала, или замечательные выросты хитиновых покровов у тропических жуков **Ламелликорния**, роль и значение которых в жизни этих насекомых даже убежденнейшие дарвинисты стиля Лудвига **Плате** затрудняются понять.

И сходным образом стоим и мы перед обаятельной загадкой смысла и значения волшебных брачных оперений многих райских птиц.

Что «парадирование» ими стимулирует процесса спаривания — можно считать бесспорным, как и то, что сходного эффекта достигают и самцы, которым, как вороновидным черным райским птицам типа **Ликоко-ракс**, нечем щеголять, и ничем «парадировать».

Но это пользование **готовым** органом и способом «прельщания» ничего не говорит о его генезисе, о его возникновении.

И не случайно авторы, касаясь малоблагодарной темы «полового диморфизма и подбора» вынуждены подменять проблему генезиса, исторического становления вторично-половых отличий рассуждениями об их реальной эффективности.

И не случайно из 32 родов семейства **Парадизейдэ** (по известной сводке Вальтера **Ротшильда**) половина родов (16) суть монотипные, представленные только **одним видом**, абсолютно неувязанными с остальными.

Все они, все эти обладатели рубиновых, и золотистых, и смарагдовых, и аметистовых нагрудников, наплечников и диадем, рисуются нам, как возникшие когда то в их теперешнем готовом виде, некогда рожденными по образцу мифической **Киприды**, вышедшей из волн морских, или **Минервы**, сразу проявившейся во всем своем великолепии.

Сравнение — не столь наивное и фантастичное, если учесть ту сказочную красоту, которую таят глубины океана, — те сверкающие перламутром, серебром изгибы раковин морских моллюсков, красоту, навеки обреченную на полную безвестность для ума и глаза человека, если бы не его страсть к познанию, не его жажда примирить запросы знания и красоты, те самые, что побудили старого натуралиста взяться за перо и на закате своей жизни набросать эти немногие страницы «Лебединой» его песни.

Пост-Скрипtum. — В заключение уместно отвести одно соображение, обычно приводимое в защиту и обоснование учения о Половом Подборе, говоря точнее, в доказательство наличия эстетизма, чувства красоты у птиц.

Мы разумеем ссылку на повадки близких к райским птицам австралийских и Ново-Гвинейских птиц Беседковых, или Шалашников.

Описанные в количестве до дюжины видов, означенные птицы популярностью своей обязаны своим строительным инстинктам: замечательной манере возводить в брачную пору, независимо от гнезд, подобия «беседок», или шелашей из прутьев, веточек и складыванию у их подножья всевозможный ярких и бросающихся в глаза предметов — будь то яркие цветы, плоды, ракушки или выбеленные солнцем косточки.

Довольно показательно, что именно они, эти беседковые птицы скромны по окраске и во всяком случае всецело лишены тех вычурных эффектных одеяний, объяснить которые эти пернатые строители как будто призваны.

В этом влечении к ярким и сверкающим предметам (страсти, свойственной и нашим вороновым птицам..) можно усмотреть намек на эстетизм, в форме, правда, крайне примитивной, хотя все же более понятной, чем манера прежних дикарей, под видом «украшений» огружать свои носы и губы вставленными в них костями, палками и деревяшками.

Но заключать отсюда, что «пернатые строители», Беседковые птицы призваны раскрыть происхождение, генезис волшебных, сказочных нарядов райских птиц — значит наивно смешивать явления совершенно разного порядка: хаотическое сваливание в кучу разнороднейших предметов, привлекательных по виду, **независимо от формы и окраски**, и содействие закономерному расположению определенных линий, пятен и структур, слаганию их в законченный художественный мотив.

Сходная мания голого «стяжательства» присуща, как известно, одному из грызунов Южной Америки, так называемой «**Вискаше**», сносящей в свои логова блестящие предметы человеческого обихода, оброненные по близости их нор проезжими гаучосами.

Усматривать поэтому в строительстве беседковыми птицами так называемых «Беседок» и манере украшения их яркими предметами свидетельство того, что изумительные оперения райских птиц обязаны подобному же «чувству красоты» их самок, столь же обосновано, столь же логично, как усматривать в стяжательских инстинктах Вискаши зачатки «личной собственности» и домовитости.

Конечный вывод: Мания шалашниковых птиц сносить к подножью шелашей или «беседок» яркие предметы и возиться с ними в состоянии полового возбуждения ничего не говорит о даровании райских птиц улавливать тончайшие отличия в орнаментах самцов, о длительном, «упорном» выборе и поощрении орнаментов в однажды выбранном определенном направлении.

И в этом смысле ссылки на беседковых или шалашниковых птиц для подкрепления учения о Половом Подборе, как активно-творческом процессе исторического становления волшебных оперений райских птиц являются бездоказательными, ибо беспредметными.